

L 9984

L 9984

СП6ГУ

Л. 9984

СНГ

Его Преосвященства
Капу Св. Духа
Келлеру и
и др. сего

С 1767

АВРААМЪ СЕРГЪЕВИЧЪ

НОРОВЪ.

Биографическій очеркъ, читанный въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря, ординарнымъ академикомъ

А. В. НИКИТЕНКО.

Перепл.
1950

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

Проверка
2007

Деп. Гос. Уч-д
Научная
библиотека им.
Горького

АВРААМЪ СЕРГЕЕВИЧЪ

НОРОВА

АВРААМЪ СЕРГЕЕВИЧЪ

1889

Печатано по распоряженію Императорской
Академіи Наукъ. Январь 1870 года.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

СЛОБОД

Императорская Академія Наукъ
Секретарь
К. Веселовскій

1870

АВРААМЪ СЕРГЪЕВИЧЪ

НОРОВЪ *).

А. С. Норовъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамилии, бывшей въ свойствѣ съ нѣсколькими первостепенными домами. Знаменитая княгиня Дашкова находилась въ числѣ родственныхъ ей лицъ. Мать Авраама Сергѣевича была урожденная Кошелева. Отецъ его служилъ сперва въ военной службѣ, потомъ перешелъ въ бывшую коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ оста-

---

*) Источниками для этого очерка служили: бумаги А. С. Норова, сообщенныя автору племянникомъ покойнаго В. П. Поливановымъ, также нѣкоторыя замѣтки и указанія П. И. Саваитова; относительно же археографической комиссіи — любопытная записка, составленная членомъ ея А. Θ. Бычковымъ. Наконецъ болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтнее близкое знакомство автора съ покойнымъ дало ему возможность узнать многое о его дѣятельности и характерѣ.

*

вался не долго, а остальное время своей жизни провелъ въ Москвѣ, посвятивъ его семейству. Онъ былъ человѣкъ умный и съ благороднымъ сердцемъ. Отъ него дѣти его получили первые уроки во всемъ, что касалось требованій чести и добра. Авраамъ Сергѣевичъ родился 22-го октября 1795 года въ отцовской деревнѣ Ключи, Саратовской губерніи. Извѣстно, что лучшая школа нравовъ есть благоустроенное и просвѣщенное семейство, гдѣ всѣхъ членовъ соединяетъ духъ мира, взаимнаго уваженія и любви. Изъ этой естественной образовательной среды Авраамъ Сергѣевичъ вынесъ зачатки всего нравственно-прекраснаго, которые развились впоследствии и выразились съ такой ясностью и въ жизни, и въ характерѣ его. Послѣ приготовительнаго домашняго ученя, онъ поступилъ въ благородный университетскій пансіонъ въ Москвѣ, гдѣ, однакожъ, не кончилъ курса. Мы не знаемъ, какія причины побудили его родителей поспѣшить опредѣленіемъ его въ службу; но нельзя не пожалѣть, что въ юности ему не дано было полнаго, методически-научнаго образованія, которое одно въ состояніи для дѣятельности счастливыхъ природныхъ способностей устанавливать твердыя опоры вездѣ, гдѣ бы имъ ни приходилось жить и трудиться. По счастью природа иногда является въ помощь тамъ, гдѣ люди чего-нибудь не досмотрѣли. Въ самой натурѣ высшихъ умственныхъ силъ заключается

непреодолимое побужденіе къ ихъ развитію и усовершенствованію. Кому неизвѣстно, что всѣ даровитыя личности, вопреки даже всевозможнымъ препятствіямъ, успѣваютъ трудомъ, конечно усиленнымъ, поставить себя, наконецъ, въ уровень съ требованіями времени и науки. Авраамъ Сергѣевичъ учился непрерывно, ревностно и въ юности, и въ послѣдующіе періоды своей жизни, не смотря на соблазнъ обстоятельствъ, которыя могли бы его отъ того и уволить безъ вреда его внѣшнему положенію. Такимъ образомъ онъ самъ собою въ союзѣ съ людьми мысли и науки, которыхъ дружбы всегда искалъ и былъ ея достоинъ, онъ успѣлъ если не во всемъ, то во многомъ пополнить недостатки своего прежняго образованія. Единственно своей неутомимой серьезной любознательности онъ обязанъ былъ богатствомъ научныхъ свѣдѣній, какія мы видѣли въ немъ впослѣдствіи, и основательнымъ знаніемъ литературъ англійской, итальянской, французской, нѣмецкой и, отчасти, испанской, кромѣ языка и литературы отечественныхъ. Это, однако, его не удовлетворяло: онъ захотѣлъ ознакомиться не по однимъ слухамъ, а по источникамъ съ міромъ классическимъ и для этого изучилъ языки латинскій и греческій. Уваженіе къ библейской святынѣ побудило его гораздо позже заняться и изученіемъ еврейскаго языка, который ему сдѣлался, наконецъ, на столько извѣстнымъ, что онъ могъ, при пособіи глоссы и спра-

вокъ съ нѣкоторыми переводами, читать библію въ подлинникѣ. Онъ не щадилъ своихъ довольно скромныхъ доходовъ для снабженія себя главнѣйшими научными пособіями. Дома и за границую онъ не упускалъ случая пріобрѣсти полезную книгу, сдѣлавшуюся весьма рѣдкою, или многотомное важное твореніе иногда за цѣну, далеко выходившую изъ предѣловъ его бюджета. Такимъ образомъ въ теченіе времени у него составила та знаменитая норовская библіотека, которой, по справедливости, удивлялись всѣ друзья науки и библіографы—знаменитая и числомъ томовъ, и качествомъ драгоцѣннѣйшихъ сочиненій, или рѣдкою изданій по части филологіи и преимущественно исторіи, на древнихъ и почти на всѣхъ главныхъ новѣйшихъ языкахъ Европы. Одно собраніе сочиненій, относящихся вообще къ Востоку и въ особенности къ Египту и Палестинѣ, составляетъ отдѣльную библіотеку, единственную въ своемъ родѣ по полнотѣ своей и рѣдкости изданій, съ которою, по свидѣтельству специалистовъ, едва ли можетъ равняться какая-либо изъ публичныхъ европейскихъ библиотекъ.

1810 года, выдержавъ предварительно экзаменъ въ военныхъ наукахъ, Авраамъ Сергѣевичъ вступилъ въ службу юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію. Едва успѣлъ онъ ознакомиться съ техническою стороною военного дѣла, какъ потребовалось настоящее дѣло. Грозныя тучи

стали отсюду надвигаться на Россію; ей предстояло выдержать борьбу съ большею частію Европы. Первый военный чинъ прапорщика Норовъ получилъ, такъ сказать, у колыбели кроваваго XII года, именно въ концѣ декабря 1811, а затѣмъ мы вскорѣ видимъ его уже въ дѣйствующей арміи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, извѣщая, между прочимъ, родителей своихъ въ письмѣ изъ Смоленска о соединеніи обѣихъ нашихъ армій Барклая де Толли и Багратіона, онъ выражаетъ свое сѣтованіе, что ему досталось на этотъ разъ съ отрядомъ своимъ быть свидѣтелемъ, а не участникомъ битвъ, сопровождавшихъ это знаменитое движеніе. Патріотическому его желанію скоро суждено было исполниться. Насталъ день 26-го августа, и съ нимъ вмѣстѣ началось то гигантское побоище, въ которомъ геній и слава величайшаго изъ полководцевъ впервые преткнулись о простое непреклонно-честное сознаніе святаго долга предъ родиной, какъ бы во свидѣтельство, что, кромѣ силы утонченнаго искусства и блестящихъ талантовъ, есть другія нравственные силы, способныя и достойныя рѣшать судьбы народовъ. Но день бородинскій дорого стоилъ нашему юному воителю. Командуя двумя пушками на одной изъ батарей, онъ былъ пораженъ непріятельскою картечью, раздробившею ему, по его выраженію, ногу въ дребезги. Съ перевязанною въ суматохѣ кое-какъ страшною раной, страдающій и изнеможенный отъ боли и потери

крови, онъ былъ, послѣ сраженія, отвезенъ въ Москву, гдѣ очутился вскорѣ въ плѣну у французовъ. Здѣсь, съ другими русскими и французами, также ранеными, онъ былъ помѣщенъ въ непріятельскомъ, хорошо устроенномъ, госпиталѣ. Авраамъ Сергѣевичъ всегда отдавалъ справедливость заботливости и искусству, съ какими французскіе врачи, особенно знаменитый лейбъ-медикъ Наполеона, Ларей, старались о его изцѣленіи. Ноги онъ лишился, но общее здоровье его было сохранено. Ему, однако, нечего было уже думать объ участіи въ достославныхъ подвигахъ нашихъ войскъ 1813 и 1814 годовъ. Время это онъ долженъ былъ провести у себя въ деревнѣ до полного возстановленія силъ.

Въ тиши уединенія и вдали отъ всякихъ внѣшнихъ развлеченій, онъ вполне предался занятіямъ, къ которымъ влекли его природныя склонности, — занятіямъ литературою и наукою. Къ этому времени и ближайшимъ за нимъ годамъ относятся и первые его авторскіе опыты. Нѣкогда почти всѣ выступавшіе у насъ на литературное поприще начинали съ поэзіи; это, конечно, доказывало не то, чтобъ у насъ было много поэтовъ, а только то, что многими, по правиламъ сложенные, рифмованные стихи принимались за поэзію. Но были и исключенія—его составляли дѣйствительные таланты, уже первыми опытами своими возбуждавшіе лучшія ожиданія. Къ числу ихъ принадлежалъ и нашъ мо-

лодой писатель. Правда, онъ не обладалъ тѣмъ, что называется, поэтическимъ творчествомъ; но онъ въ высокой степени былъ одаренъ тонкимъ и нѣжнымъ чувствомъ прекраснаго, которое выражалъ съ простотою и искренностію, доказывавшими, что оно было въ его натурѣ, а не въ одномъ желаніи показаться поэтомъ. Общій тонъ его стихотвореній служилъ проявленіемъ всей его личности. Есть счастливыя, избранныя натуры, одаренныя способностію видѣть преимущественно свѣтлую сторону вещей. Все грозное, мрачное, безотрадное въ природѣ, исторіи и общественности находится какъ бы внѣ сферы ихъ воззрѣній, а передъ ними выступаютъ одни образы, соотношенія и дѣятельности, возбуждающіе довѣріе къ судьбамъ жизни и примирительное чувство къ ея противорѣчіямъ и превратностямъ. Авраамъ Сергѣевичъ во всю свою жизнь сохранялъ это нравственное настроеніе. И хотя не разъ его любящее, доброе сердце было поражаемо зрѣлищемъ великихъ бѣдствій человѣческихъ, великихъ заблужденій и преступленій — эти суровые уроки и опыты, однако, не измѣняли его міросозерцанія, внушеннаго глубокою и твердою вѣрой въ Провидѣніе. Изъ его поэтическихъ опытовъ прежде другихъ появились въ свѣтъ отрывки изъ дидактической поэмы *объ Астрономіи*, напечатанные 1818 года въ журналѣ: *Благонамѣренный*, издаваемомъ Измайловымъ. Потомъ мы находимъ его стихотворенія

въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ двадцатыхъ годовъ—въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», въ «Вѣстникѣ Европы» и «Сынѣ Отечества». Замѣчательны отрывки изъ его переводовъ Дантовой *Divina Comedia*, изъ *Петрарки*, и нѣсколько подражаній древнимъ, особенно Горацию. Авраама Сергѣевича изъ новѣйшихъ литераторъ, преимущественно занимала итальянская. Мы помнимъ, съ какимъ теплымъ участіемъ, уже бывши министромъ народнаго просвѣщенія, онъ встрѣтилъ Данта въ русскомъ переводѣ Мина, какъ старался ободрить переводчика въ этомъ трудѣ исходатайствованіемъ ему монаршаго вниманія и оказаніемъ покровительства въ ценсурномъ отношеніи. Позднѣе, когда онъ ознакомился достаточно съ греческимъ языкомъ, онъ перевелъ почти всего «Анакреона». Переводъ этотъ, однако, не былъ напечатанъ и находится въ рукописи.

Когда здоровье его укрѣпилось на столько, что онъ могъ явиться снова среди уцѣлѣвшихъ соподвижниковъ своей боевой жизни, онъ рѣшился продолжать военную службу. Увѣчье, однако, не могло не затруднять его въ отправленіи обычныхъ обязанностей этого званія. Произведенный въ полковники, онъ, наконецъ, въ 1823 году принужденъ былъ оставить военную службу и перейти къ статскимъ дѣламъ, куда и былъ принятъ съ чиномъ статскаго совѣтника. Тутъ,

однакожь, случился промежутокъ свободнаго времени; имъ рѣшился онъ воспользоваться, чтобъ посѣтить нѣкоторыя страны Европы. Ему хотѣлось къ кабинетному изученію предметовъ исторіи, искусства, древностей и нравовъ человѣческихъ присоединить ничѣмъ незамѣнимое изученіе посредствомъ личнаго наблюденія. Такимъ образомъ, обозрѣвъ въ 1821 г. часть Германіи и Франціи, онъ посвятилъ значительную часть времени Италіи, привлекавшей его къ себѣ прелестію своей природы, богатствомъ художественныхъ созданій, памятниками и судьбами своей исторіи. Въ Римѣ, между прочимъ, онъ познакомился случайно съ живою достопримѣчательностію времени,—съ матерью Наполеона, Летиціей. Подробности своего свиданія съ ней, также какъ и съ извѣстнымъ кардиналомъ Фешемъ описаны имъ въ письмѣ изъ Рима, напечатанномъ впоследствии въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ сборниковъ. Изъ Италіи онъ направился въ Сицилію. Она очаровала его чудными красотами своей природы, которая какъ бы по какой-то неизъяснимой прихоти соединяетъ въ себѣ все, что есть въ силахъ естественныхъ разрушительнаго и гибельнаго для человѣка и все, что обѣщаетъ ему безмятежное счастье золотаго вѣка. При этомъ, по выраженію поэта, развалины и прахъ краснорѣчивый нѣкогда богатой и образованной гражданственности, навлекавшей на себя зависть Карфагена и властительные замыс-

лы Рима,—развалины и прахъ Сиракузъ и Агригента, Сигесты—все это составляло драгоценные предметы для наблюдателя съ такимъ воспримчивымъ чувствомъ, съ такимъ образованнымъ, мыслящимъ умомъ, какими одаренъ былъ нашъ путешественникъ! И онъ не только осматривалъ, но изучалъ все достопримѣчательное въ этой любопытной странѣ. Онъ не побоялся взойти на самую вершину Этны и съ ея окраины заглянуть въ самую глубину ея вѣчно дымящейся бездны. Съ его одною ногой это восхождение представляло большія трудности, которыя, однако, онъ преодолѣлъ мужественно точно также, какъ впоследствии, борясь съ меньшими неудобствами, онъ достигъ вершины одной изъ наибольшихъ египетскихъ пирамидъ. Плодомъ его путешествія по Сициліи было сочиненіе о ней, изданное въ двухъ томахъ 1822 года, гдѣ изящныя изображенія природы смѣняются историческими воспоминаніями, основанными на свидѣтельствахъ древнихъ и новѣйшихъ писателей.

По возвращеніи изъ-за границы служебная дѣятельность его установилась и получила на долго определенное направленіе. Въ 1827 году онъ былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и вскорѣ для исполненія такихъ же порученій былъ прикомандированъ къ адмиралу Снявину, начальствовавшему тогда эскадрой въ Балтійскомъ морѣ. Такъ какъ Снявинъ со ввѣренной ему

частью флота доходилъ до береговъ Англїи и долженъ былъ вступать въ сношенїя съ разными официальными лицами страны, то на Авраама Сергѣевича было возложено веденіе переписки на англійскомъ языкѣ. Въ 1830 году онъ возвратился къ прежней своей службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь неоднократно былъ онъ призываетъ къ участию во временныхъ комиссіяхъ, открывавшихся по разнымъ вопросамъ управленія. Но важнѣйшимъ трудомъ его было составленіе исторической *записки о составѣ и занятїяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ самаго его учрежденія* (1802 г.). Трудъ этотъ, согласно волѣ правительства, предпринять былъ по весьма обширному плану и требовалъ не только многихъ справокъ съ подлинными документами и дѣлами архива, но и разясненія причинъ и обстоятельствъ, по которымъ принимались тѣ, или другія административныя мѣры. Записка, доведенная до 1820 года, была принята тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Закревскимъ, съ изъясненіемъ составителю особеннаго лестнаго одобренія и благодарности. Изъ разныхъ документовъ видно, что Авраамъ Сергѣевичъ вообще находился на самомъ лучшемъ счету у своего начальства.

Между тѣмъ, какъ виѣшняя дѣятельность его замыкалась, повидимому, въ извѣстный определеннй кругъ, его внутреннїя стремленія не могли имъ ограничиться. Онъ былъ изъ числа лю-

дей, которыхъ вопросы жизни разрѣшаются въ чувствѣ, а чувство руководится высшими идеалами человѣческаго назначенія. Истины знанія, столь привлекательныя для души его, не могли удовлетворить его вполне. Знанію положены предѣлы, а духъ человѣческой переносится за нихъ и не можетъ уже вѣрить одному знанію всѣхъ судебъ своихъ. То, что хорошо и необходимо на своемъ мѣстѣ, оказывается несостоятельнымъ, когда дѣло идетъ о всецѣлости и законченности человѣческаго существованія. Неудивительно, что умы свѣтлыя, признавая все великое, чѣмъ человѣчество обязано развитію и успѣхамъ своей мысли, тамъ, гдѣ она угрожаетъ порваться и запутаться въ собственныхъ переплетеніяхъ, спѣшатъ укрѣпить ее въ началахъ, столь же неотразимо присущихъ намъ, какъ и знаніе—въ началахъ вѣрованія. Къ нимъ естественно долженъ былъ придти человѣкъ съ такою потребностью неизблемыхъ и успокоительныхъ убѣжденій, какою проникнуть былъ Авраамъ Сергѣевичъ. Твердо затѣмъ установившееся въ немъ религіозное настроеніе выразилось, наконецъ, въ горячемъ желаніи посѣтить тѣ святыя мѣста, гдѣ впервые были признаны и возвѣщены человѣку права, свобода и высшій жребій его духа и поставлены подъ назиданіе и охраненіе всеобъемлющей, безконечной премудрости и благодати. Авраамъ Сергѣевичъ предпринялъ свое новое путешествіе въ 1834 году. Оно

продолжалось два года. Описаніе его было напечатано первымъ изданіемъ въ 1838 году въ 2-хъ томахъ; второе изданіе вышло въ 1844, третье—въ 1854. «Пройдя половину жизни», говоритъ онъ въ предисловіи къ первому изданію, «я узналъ, что значитъ быть больнымъ душою. Волнуемый какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ, я искалъ душевнаго пріюта, жаждалъ утѣшеній, нигдѣ ихъ не находилъ и былъ въ положеніи человѣка, потерявшаго путь и бродящаго ощупью въ темнотѣ лѣса. Мысль о путешествіи въ святую землю давно таплась во мнѣ; я не чуждъ былъ любопытства видѣть блестящій Востокъ, но Іерусалимъ утвердилъ мою рѣшимость: утѣшеніе лобызать слѣды Спасителя міра въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ совершилъ тайну искупленія человѣчества, заставило меня превозмочь многія препятствія». Авраамъ Сергѣевичъ не оставилъ, не посѣтивъ, ни одного мѣста въ Палестинѣ, ознаменованнаго какимъ-нибудь событіемъ священной исторіи. Но, конечно, и взоры, и всѣ помышленія его преимущественно устремлены были къ главной и величайшей святынѣ христіанства, къ мѣсту, гдѣ училъ, и ученіе свое запечатлѣлъ кровію Своею Тотъ, Кому міръ обязанъ своимъ возрожденіемъ. Авраамъ Сергѣевичъ посвятилъ Іерусалиму значительнѣйшую часть своего пребыванія въ святой землѣ. Книга, заключающая въ себѣ изображеніе всего, что видѣлъ, чувство-

валъ и изучалъ онъ въ этой избранной странѣ чудесъ, составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы и общества. Она представляетъ рѣдкое соединеніе чистѣйшей христіанской назидательности съ достоинствомъ научнымъ. Есть что-то особенно умилительное въ простотѣ и искренности религіознаго чувства, которымъ одушевлены и согрѣты каждая мысль, каждое слово автора при встрѣчѣ съ памятниками библейскихъ событій. Надобно при этомъ вспомнить, что авторъ вездѣ сохраняетъ лучшія воззрѣнія и убѣжденія той высокой образованной среды людей, къ которой онъ принадлежалъ. Вы видите здѣсь образецъ того, какъ естественна и неизбѣжна въ человѣкѣ потребность высшихъ вѣрованій при самомъ просвѣщенномъ умѣ, богатомъ знаніемъ и идеями вѣка. Восторгъ, внушаемый автору всѣмъ видѣннымъ имъ, понятенъ. Остатки и слѣды чуднаго минувшаго, это зрѣлище, которое въ самомъ запустѣніи своемъ такъ выразительно говоритъ о великихъ преданіяхъ и великихъ чаяніяхъ человѣчества, не должно ли оно тронуть сердце всякаго, даже обыкновеннаго мыслящаго человѣка гораздо сильнѣе, чѣмъ развалины какого-нибудь Коллизея или Паронона, передъ которыми расточается столько восторженныхъ думъ и воспоминаній? Иорданъ, Виолемъ—мѣста, гдѣ раздавалось благовѣствующее слово Божественнаго Учителя, Голгоа — какія имена, какіе предметы для изу-

чающаго исторію и судьбы человѣчества въ ихъ глубокомъ смыслѣ! Не менѣе важно произведе-
ніе Авраама Сергѣевича и въ научномъ отноше-
ніи. Главная задача, которой посвящены его из-
слѣдованія, состояла въ томъ, чтобъ разяснить
съ точностью и утвердить на прочныхъ основа-
ніяхъ историческую и топографическую истину
понятій, соединяемыхъ нами съ священными до-
стопримѣчательностями Палестины. Мы приве-
демъ здѣсь отзывъ ученаго оріенталиста, хорошо
знакомаго съ предметами этихъ изслѣдованій
бывшаго профессора с.-петербургскаго универ-
ситета Сенковскаго. Вотъ что говорилъ онъ
въ своемъ подробномъ критическомъ разборѣ,
написанномъ по поводу втораго изданія «Путеше-
ствія по святымъ мѣстамъ»: «Уваженіе къ мѣст-
нымъ топографическимъ преданіямъ и точный
смыслъ священнаго текста—вотъ два превосход-
ныя руководства, доставившія русскому изслѣ-
дователю тѣ прекрасные выводы, которые наука
и благочестіе находятъ въ его сочиненіи. Вну-
тренность и окрестности Иерусалима, Галлилея,
Иорданская долина, Тиверіада, берега Мертваго
моря и другія части святой земли объяснены во
всей полнотѣ и совершенствѣ. Географіей исхо-
да израильтянъ изъ Египта ученый русскій пу-
тешественникъ истинно обогатилъ археологію и
приобрѣлъ право на авторитетъ въ наукѣ». Кни-
га его, переведенная на нѣмецкій языкъ, заслу-
жила и въ классической странѣ науки—въ Гер-

7826

маніи—подобные одобрителные отзывы, особенно со стороны знатоковъ Востока, каковы, на примѣръ, *Зенне*, *Бруши* и другіе.

Сочиненіе *о семи церквахъ* есть продолженіе описанія Палестины. Съ тѣми же благочестивыми чувствованіями и ученою наблюдательностію нашъ путешественникъ посѣтилъ мѣстности древнихъ мало-азіатскихъ церквей, упоминаемыхъ въ дѣяніяхъ апостоловъ, ихъ посланіяхъ и апокалипсисѣ, и приводилъ на память историческія судьбы этихъ первоначальныхъ святыхъ установленій христіанства.

Цѣлью путешествія по святымъ мѣстамъ было удовлетвореніе религіозной потребности; самыя научныя изслѣдованія проистекали изъ этого источника. Путешествіе въ Египетъ и Нубію имѣло другой характеръ. Послѣ извѣстной экспедиціи Наполеона, Египетъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, съ его загадочными памятниками, сдѣлался предметомъ усиленныхъ ученыхъ изысканій, озарившихъ новымъ свѣтомъ быть достопримѣчательнѣйшаго изъ народовъ древности. Съ другой стороны, въ тридцатыхъ годахъ туда привлекалъ взоры всей Европы одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые силою своего ума и воли изъ элементовъ, повидимому, ни на какое общественное зданіе непригодныхъ, стремятся воздвигнуть новый порядокъ вещей, съ признаками усовершенствованной цивилизаціи. Мы говоримъ о знаменитомъ

7899

Мегеметь-Али. Авраамъ Сергѣевичъ пожелалъ личнымъ наблюдениемъ усвоить себѣ новыя замѣчательныя открытія науки и взглянуть на обновляемый современный Египетъ. Желаніе это было усилено также связью исторіи Египта съ библейскими сказаніями и съ исторіей первыхъ вѣковъ христіанства. Знакомство съ Мегеметомъ-Али, оказавшимъ ему самое дружелюбное расположеніе, дало ему возможность какъ проникнуть въ тогдашнее состояніе Египта, такъ и совершить путешествіе вверхъ по Нилу до большихъ его пороговъ. Онъ останавливался на замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ его побережья; осмотрѣлъ пирамиды, всходилъ, какъ мы уже сказали, на вершину громаднѣйшей изъ нихъ и проникъ внутрь ея, на сколько позволили силы его, изнемогавшія отъ удушливаго воздуха и трудныхъ углубленій и извилинъ подземнаго пути, спустился въ катакомбы мумій — въ это мрачное царство смерти, гдѣ человѣкъ думалъ въ своемъ гробѣ оспаривать у всепожирающаго тлѣнія его законную добычу. Колоссальныя остатки Өивъ, Карнака и Луксора были тщательно осмотрѣны имъ съ сочиненіями въ рукахъ древнихъ писателей, о нихъ упоминавшихъ, и новѣйшихъ изслѣдователей. Любопытныя результаты его обзорнѣй и изученія изложены въ двухъ томахъ, изданныхъ въ 1840 году подъ названіемъ: «Путешествіе по Египту и Нубіи». Въ этомъ же сочиненіи онъ, между прочимъ, изложилъ свои со-

ображенія о времени и способахъ построения пирамидъ, возбуждшія живой интересъ въ ученомъ свѣтѣ. Статистическія данныя и замѣчанія о Египтѣ эпохи Мегметъ-Али теперь, конечно, устарѣли; но во время ихъ появленія въ свѣтъ они обратили на себя общее вниманіе вѣрностью и новостью многихъ любопытныхъ свѣдѣній.

Возвратясь въ отечество, Авраамъ Сергѣевичъ до 1839 года продолжалъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а въ этомъ году онъ занялъ мѣсто правителя дѣлъ въ комиссіи принятія прошеній на высочайшее имя и затѣмъ вскорѣ поступилъ въ число членовъ ея. Здѣсь, за отсутствіемъ статсъ-секретаря, предѣдательствовавшего въ комиссіи, онъ неоднократно исправлялъ его должность. Потомъ въ 1849 году онъ былъ назначенъ членомъ Императорскаго человеколюбиваго Общества и помощникомъ попечителя его, и въ томъ же году ему высочайше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. 1851 года Императорская Академія Наукъ, въ засвидѣтельствованіе своего уваженія къ ученымъ заслугамъ его, избрала его въ дѣйствительные свои члены по отдѣленію русскаго языка и словесности. До этого за годъ онъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, а въ 1854 году занялъ и постъ министра.

Общественная дѣятельность лицъ, завѣдывающихъ обширную частью управленія и снабжен-

ныхъ значительными полномочіями, сопряжена съ тяжкою отвѣтственностью. Если ихъ славятъ за добро, которое они сдѣлали, то еще болѣе оуждаютъ за добро, котораго не сдѣлали, и котораго общество считаетъ себя вправѣ ожидать отъ власти. Такова судьба всякаго высокаго общественнаго положенія—и счастливы тѣ изъ достигшихъ его, кого нельзя обвинять въ страстяхъ, мѣшающихъ самому желанію добра. Авраамъ Сергѣевичъ понималъ отвѣтственность, упадающую на него съ новымъ званіемъ. Оцѣнка его государственной дѣятельности не составляетъ предмета настоящаго нашего слова. Мы однако не можемъ, для нѣкоторой полноты его характеристики, не коснуться хотя нѣсколькихъ фактовъ изъ этого круга его жизни. Съ важною частью управленія ему ввѣренною онъ былъ связанъ не одними узами административныхъ требованій и условій, но лучшими своими чувствованіями и помышленіями. Наука, просвѣщеніе были жизнью этой прекрасной, благородной натуры; они же составляли и составляютъ одну изъ главныхъ потребностей отечества, которое онъ любилъ съ истинно сыновнею нѣжностью. Теперь ему открылось поприще, гдѣ онъ могъ удовлетворить въ одно и то же время и своему внутреннему влеченію, и долгу. Проистекаая изъ общей направительной точки зрѣнія, виды его были обширны, и нѣкоторыя изъ его предположеній и мѣръ прямо соотвѣтствовали этимъ ви-

дамъ. Первою своею обязанностию онъ счелъ ободрить духъ людей, на которыхъ непосредственно падалъ трудъ народнаго воспитанія и образованія, исходатайствованіемъ имъ прежнихъ пенсіоновъ. Мѣра эта произвела и не могла не произвести самаго благотворнаго вліянія на умы, памятнаго людямъ того времени, еще и нынѣ существующимъ. Одновременно съ этимъ онъ испросилъ высочайшее соизволеніе на увеличеніе комплекта студентовъ въ университетахъ. Въ видахъ пополненія послѣднихъ свѣжими учеными силами было рѣшено имъ отправить за границу, по выбору самыхъ университетовъ, лучшихъ молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскимъ кафедрамъ съ тѣмъ, чтобъ они, въ удостовѣреніе своихъ способностей, предварительно выдерживали экзаменъ на степень магистра. Онъ обратилъ высочайшее вниманіе Государя Императора на неудобства, сопрягавшіяся съ существованіемъ комитета 2-го апрѣля, учрежденнаго для наблюденія надъ книгопечатаніемъ, что потомъ содѣйствовало и его закрытію. Ему принадлежитъ мысль, выраженная во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору о необходимости поднять преподаваніе древнихъ языковъ, начавшее приходить въ упадокъ послѣ графа Уварова, считавшаго по всей справедливости изученіе этихъ языковъ плодотворнымъ вспомогательнымъ элементомъ въ общей системѣ народнаго образованія. Дѣятельность Авраама

Сергѣевича по вопросамъ цензуры, находившейся тогда въ вѣдѣніи ввѣреннаго ему министерства, отличалась воззрѣніями и убѣжденіями истинно просвѣщеннаго государственнаго человѣка. Въ расширеніи разумной свободы печати, при устраненіи вредныхъ крайностей, онъ усматривалъ не только средство къ усиленію самостоятельнаго научнаго движенія въ отечествѣ, къ возбужденію талантовъ, но и необходимое условіе, для того, чтобъ общество, помощію обмѣна мыслей, ихъ взаимодѣйствія и непрерывнаго, такъ сказать, тока заключающейся въ нихъ жизни, могло успѣшно совершать процессы своего историческаго развитія. Мысль объ облегченіи цензурныхъ тягостей ему казалась особенно вѣрной въ виду тѣхъ великихъ реформъ, которыя назnamenывались уже въ самомъ началѣ нынѣшняго достославнаго царствованія, — реформъ, внесшихъ столько совершенно новыхъ животворныхъ идей въ наши учрежденія и въ самую жизнь народа и естественно открывавшихъ себѣ путь въ печать. Представляемая имъ по этому поводу мнѣнія въ послѣдствіи нашли полное себѣ оправданіе въ самомъ ходѣ дѣлъ и правительственныхъ мѣрахъ. Какимъ ревностнымъ предстателемъ у трона былъ онъ за интересы умственные, между прочимъ, доказывается испрошеннымъ имъ у государя императора соизволеніемъ представлять въ извѣстные промежутки времени на высочайшее усмотрѣніе о всѣхъ замѣчательныхъ произведе-

ніяхъ по части наукъ и литературы, причемъ отличнѣйшіе изъ нихъ удостоиваемы были знаковь монаршаго вниманія. Блистательнымъ событіемъ въ управленіе министерствомъ Авраама Сергѣевича было празднованіе столѣтняго юбилея московскаго университета, ознаменованное изъявленіемъ особеннаго благоволенія въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича къ этому почтенному первенцу русскихъ университетовъ. Его величеству благоугодно было, между прочимъ, выразить ему свое теплое сочувствіе въ высочайше данномъ черезъ посредство министра рескриптѣ, прочитанномъ симъ послѣднимъ въ день торжества и возбудившемъ неописанный восторгъ въ ученое сословіе, въ учащемся юношествѣ и во всей московской публикѣ. Мы были самовидцами и скромными участниками этого небывалаго дотоѣ въ Россіи торжества и помнимъ, какое прекрасное дѣйствіе произвело на всѣхъ царское слово, исполненное уваженія къ наукѣ и ободрявшее ея дѣятелей. Для Авраама Сергѣевича этотъ день былъ также, по его собственнымъ словамъ, однимъ изъ лучшихъ дней въ его жизни. Его честному любящему сердцу было отрадно явиться вѣстникомъ и представителемъ монаршаго вниманія къ просвѣщенію и въ то же время быть предметомъ той всеобщей признательности и любви, которыя обращены были собственно къ его лицу. Онъ не могъ безъ сердечнаго волненія вспоминать о ра-

дости и ликованіи той самой дорогой ему Москвы, гдѣ за долго до того, среди ея пылавшихъ развалинъ, онъ одинокій и самъ полуразрушенный, сѣтоваль о ея плѣнѣ.

Заботы и значеніе министра не затмѣвали въ Авраамѣ Сергѣевичѣ любезныхъ и привлекательныхъ качествъ человѣка. На высотѣ его общественнаго положенія обращеніе его со всѣми было столько же просто, безыскусственно, полно доброжелательства и добродушія, какъ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ его жизни. Общительность его обращалась, безъ сомнѣнія, въ пользу и его служебной дѣятельности. Сближеніе съ людьми образованными, небывшими съ нимъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ по должности и отъ него независѣвшими, наводило его на разныя новыя соображенія и давало ему средство узнавать много такого, что не могло доходить до него официальнымъ путемъ, и что однако все не было излишнимъ имѣть въ виду. Еженедѣльно въ опредѣленный день у него собиралось многочисленное общество, въ которомъ, между высшими сановниками, почетное мѣсто занимали люди, извѣстные своими дарованіями, люди мысли и науки. Члены нашей Академіи, конечно, никогда не забудутъ того, съ какимъ дружелюбіемъ они были встрѣчаемы здѣсь и сколько пріятнаго находили они въ его умной оживленной бесѣдѣ. Вопросы научные всегда преимущественно его занимали, и послѣ, когда онъ со-

шелъ съ министерскаго поприща, любимыми его собесѣдниками были люди, отличавшіеся ученою опытностію и знаніями.

Оставляя дальнѣйшія подробности о служебной дѣятельности Авраама Сергѣевича до болѣе полной его біографіи, мы обращаемся къ другимъ событіямъ его жизни и трудамъ литературнымъ. Въ 1858 году онъ былъ всемілостивѣйше уволенъ отъ должности министра, съ назначеніемъ его въ члены Государственнаго Совѣта. Между тѣмъ съ 1851 года онъ состоялъ предсѣдателемъ археографической комиссіи. Званіе это было за нимъ сохранено и теперь. Археографическая комиссія обязана своимъ существованіемъ просвѣщенному ходатайству передъ покойнымъ государемъ императоромъ бывшаго министра графа Уварова. Надъ дверьми Дельфійскаго храма въ Греціи было написано: «Познай самого себя». Слова эти, какъ правило высшей человѣческой мудрости, относились къ каждому человѣку въ отдѣльности. Но они съ неменьшею справедливостію должны быть примѣняемы и къ цѣлому народу. Самопознаніе есть величайшая потребность народнаго духа и опора его самобытности, а оно невозможно безъ познанія своего прошедшаго. Отсюда сама собою вытекаетъ мысль о необходимости изученія историческихъ документовъ и памятниковъ, безъ котораго, въ свою очередь, невозможно и знаніе прошедшаго. Археографическая комиссія была

основана съ цѣлью открывать, изучать и доводить до всеобщаго свѣдѣнія эти источники нашей исторіи, и всѣмъ извѣстно, какія огромныя услуги она оказала нашему образованію въ этой сферѣ. Судьба и ея дѣятельность занимала Авраама Сергѣевича и въ то время, когда онъ былъ обремененъ дѣлами по управленію министерствомъ; но, съ увольненіемъ его отъ званія министра, онъ уже все время, остававшееся ему отъ участія въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта, посвящалъ преимущественно ей. Въ 1860 году его постигло горе, могшее всякаго другаго, менѣе его проникнутаго религіозными чувствами, повергнуть въ то томительное состояніе, гдѣ угасаетъ всякая бодрость и всякая дѣятельная сила души слабѣетъ: онъ лишился своего достойнаго, преданнѣйшаго друга, нѣжно любимой имъ супруги, скончавшейся послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Трое дѣтей его въ раннемъ возрастѣ также были похищены смертію—и теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ остался совершенно одинокимъ, безъ тѣхъ утѣшеній и радостей семейныхъ, которыя смягчаютъ скорби старости и облегчаютъ неизбежный переходъ, говоря словами Гете, отъ сладостной привычки—чувствовать и дѣйствовать, къ таинственному, угрюмому сну смерти. Авраамъ Сергѣевичъ поникъ убѣленною отъ лѣтъ головой передъ великостію постигшаго его злополучія, но не духомъ. Онъ вполне довѣрился во-

лѣ міродержавнаго промысла и въ благочестивыхъ упованіяхъ христіанина нашель помощь, которой не могла ему оказать жизнь и міръ. Но съ нимъ еще остался неразлучнымъ, какъ старій неизмѣнный другъ-утѣшитель—трудъ науки, живительный для людей, жаждущихъ истины. Уединенныя научныя занятія въ кабинетѣ слились у него съ трудами по археографической комиссіи, которая теперь сдѣлалась для него главнымъ предметомъ заботъ и убѣжищемъ въ служеніи его наукъ. Непосредственные участники его дѣятельности въ комиссіи и сотрудники знаютъ, сколь многимъ она ему обязана. Прежде всего онъ употребилъ свои усилія для увеличенія ея матеріальныхъ средствъ, которыя были очень скудны. При вступленіи въ должность предсѣдателя Авраама Сергѣевича, она получила на свое содержаніе 1,572 р. 17 к., ходатайствомъ его сумма эта доведена была, наконецъ, до 10,572 р.

Но не въ этомъ одномъ заключалось благотворное вліяніе его на комиссію. Никакія внѣшнія усилія не въ состояніи возвысить какое бы то ни было коллективное учрежденіе, если оно будетъ лишено той внутренней возбужденности, истекающей изъ сознанія своего долга, того духа жизни, гармоніи и сосредоточенности единичныхъ силъ, какими вообще совершаются всѣ важныя и общепользныя преднамѣренія. И въ поддержаніи - то, въ сохраненіи и возвышеніи

этихъ прекрасныхъ качествъ, составляющихъ истинное превосходство всякой благоустроенной ассоціаціи — вотъ въ чемъ заключается существеннѣйшая и наибольшая часть заслугъ Авраама Сергѣевича въ отношеніи къ одному изъ полезнѣйшихъ ученыхъ установленій въ нашемъ отечествѣ. Не многіе могли равняться съ нимъ въ умѣнѣ соединять, направлять умы къ одной цѣли, одушевлять ихъ и примѣромъ своимъ, и сочувствіемъ — и между тѣмъ это умѣнье почти и нельзя было назвать умѣньемъ, если разумѣть подь нимъ искусство — все оно заключалось просто въ его благородномъ сердцѣ, въ отсутствіи всякихъ личныхъ своекорыстныхъ побужденій, въ просвѣщенномъ уваженіи къ труду и всякому честно и свободно выраженному убѣжденію своихъ сотрудниковъ. Поэтому неудивительно, что коммиссія въ продолженіе его предсѣдательства издала не менѣе тридцати пяти томовъ важныхъ историческихъ актовъ. Одна перечень ихъ уже достаточно говоритъ, какую важную цѣну они имѣютъ для нашей исторіи. Это были: 5 томовъ продолженія полного собранія русскихъ лѣтописей, съ указателемъ по всѣмъ томамъ этого собранія, 5 томовъ дополненій къ историческимъ актамъ; 5-й томъ актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи; 5 томовъ такихъ же актовъ по части исторіи Южной и Западной Россіи; 2 тома, относящиеся до юридическаго быта древней Россіи; собраніе грамотъ,

объясняющихъ сношенія Сѣверо-Западной Россіи съ Ригю и ганзейскими городами; три тома новгородскихъ писцовыхъ книгъ; первый томъ писцовыхъ книгъ ижорской земли; 2-е изданіе Котошихина; русско-ливонскіе акты, собранные Напьерскимъ; документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношеній къ Россіи и Польшѣ; четыре выпуска лѣтописи занятій археографической комиссіи и два тома иностранныхъ о Россіи писателей. Въ приготовленіяхъ къ изданію этихъ многочисленныхъ историческихъ матеріаловъ Авраамъ Сергѣевичъ принималъ постоянно самое дѣятельное личное участіе, работая вмѣстѣ со своими сотрудниками членами комиссіи по нѣскольку разъ въ недѣлю, очень часто до глубокой ночи, между тѣмъ какъ занятія его по званію члена Государственнаго Совѣта шли своимъ чередомъ безостановочно.

Въ послѣднее время усилія его были посвящены новому громадному труду комиссіи, по его указанію предпринятому: изданію великихъ макарьевскихъ миней, коего треть сентября мѣсяца и отпечатана была незадолго до его кончины. Съ обычнымъ своимъ рвеніемъ, любовью и знаніемъ дѣла онъ слѣдилъ за всѣми подробностями въ приготовленіи этого монументальнаго изданія, за которое преимущественно ему и будетъ обязана отечественная наука, если оно, какъ надобно надѣяться, будетъ довершено.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній

нашей древней литературы, безъ сомнѣнія, есть XII вѣка описаніе путешествія въ Палестину Даниїла игумена. Но этому драгоцѣнному памятнику недоставало еще у насъ основательнаго изученія и научной обработки. Авраамъ Сергѣевичъ во время своего путешествія подвергъ тщательной повѣркѣ сказанія нашего паломника о разныхъ мѣстностяхъ святой земли и предметахъ доселѣ неизмѣнившихся и нашелъ эти простодушныя сказанія столь достовѣрными и любопытными въ научномъ отношеніи, что Даниїла онъ могъ смѣло поставить въ число немногихъ и лучшихъ источниковъ для познанія топографіи страны и разныхъ историческихъ данныхъ ея. Это возбудило въ немъ рѣшимость представить ученому свѣту сочиненіе Даниїла въ такомъ видѣ, какой былъ бы вполне его достоинъ. Дѣло однако состояло не въ изданіи одного простаго очищеннаго текста, что само по себѣ требовался не малыхъ трудовъ, но въ комментаріяхъ, которыя бы каждое слово или выраженіе текста представляли въ ясномъ свѣтѣ — словомъ, требовался трудъ, сопряженный съ обширными историческими и филологическими изысканіями. И Авраамъ Сергѣевичъ совершилъ его съ такимъ достоинствомъ и успѣхомъ, какихъ только можно ожидать отъ строгаго ученаго специалиста. Переведенное на французскій языкъ изданіе Даниїла игумена было за границей принято съ лестнымъ для издателя и комментатора одобреніемъ.

Идея единства православной церкви всегда была близка сердцу Авраама Сергѣевича. Она соединялась въ умѣ его съ значеніемъ нравственной силы и вліянія Россіи на Востокъ, — и такъ какъ греческій элементъ вообще въ церковномъ отношеніи представляется весьма важнымъ, то онъ думалъ оказать значительную услугу восточному и русскому православію изданіемъ текста новаго завѣта на греческомъ и русскомъ языкахъ вмѣстѣ. Подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, при дѣятельномъ участіи П. И. Савантова новый завѣтъ на этихъ двухъ языкахъ вышелъ въ свѣтъ въ 1861 году. Въ числѣ прочихъ научныхъ трудовъ его нельзя такъ же не привести изданнаго имъ на греческомъ и русскомъ языкахъ извѣстнаго въ церковной исторіи окружающаго посланія Марка, епископа ефесскаго. Оно содержитъ въ себѣ краснорѣчивый и смѣлый протестъ противъ покушеній флорентинскаго собора на соединеніе православной церкви съ латинскою, или лучше сказать, на подчиненіе православія владычеству послѣдней. Сочиненіе Марка ефесскаго вмѣстѣ съ надгробнымъ ему словомъ Георгія Схоларія, бывшаго впоследствии патріархомъ константинопольскимъ, имѣетъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ для насъ важное значеніе не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Авраамъ Сергѣевичъ извлекъ его изъ рукописей императорской парижской бібліотеки, перевелъ съ греческаго

языка на русскій и напечаталъ, какъ сказано выше, вмѣстѣ со своимъ предисловіемъ въ Парижѣ 1859 года.

Вскорѣ послѣ смерти супруги Авраама Сергѣевича, имъ овладѣла мысль посѣтить вторично святыя мѣста, и въ 1861 году, не смотря на свои преклонныя лѣта и недуги, начавшіе его удручать, послѣ понесенной имъ утраты и усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, онъ снова отправился въ далекое странствованіе. То же благочестивое чувство, какое направляло шаги его въ первый разъ, одушевляло его и теперь. Но къ нему присоединилась новая потребность — искать утѣшенія тамъ, гдѣ всякое личное горе и тревога должны умолкнуть въ живомъ воспоминаніи величайшаго изъ всемірныхъ событій. Передъ нимъ открылся прежній путь; но тогда онъ совершалъ его съ бодрымъ духомъ, въ цвѣтѣ мужескаго возраста; нынѣ по тѣмъ же мѣстамъ шелъ онъ грустно, согбенный старостию, неся на себѣ бремя скорбей, чтобъ сложить его у гроба Господня. Но такъ велико было его стремленіе къ наукѣ и научнымъ наблюденіямъ, что при обстоятельствахъ, столь различныхъ отъ прежнихъ, и въ этотъ разъ онъ не переставалъ трудиться надъ изысканіями, относящимися къ древностямъ, топографіи и исторіи Палестины. Въ монастырѣ св. Саввы, между прочимъ, время отдохновенія своего онъ посвятилъ осмотру богатаго собранія старинныхъ пергаментныхъ руко-

писей. Въ 1835 году ему удалось приобрести для русскихъ книгохранилицъ нѣсколько изъ этихъ рукописей; онъ хотѣлъ теперь присоединить къ нимъ новыя наиболѣе любопытныя, но, къ сожалѣнію, встрѣтилъ затрудненія со стороны мѣстной, духовной власти. Въ первое свое путешествіе, онъ не успѣлъ совершить поѣздки на Синай, хотя этого сильно желалъ; теперь онъ это исполнилъ, преодолевъ большія трудности горнаго пути. Значительная часть его замѣчаній относится къ этой священной ветхозаветной достопримѣчательности. Всѣ новыя изысканія, приведенныя имъ въ порядокъ и переписанныя его рукою, приготовляются къ изданію членомъ археологической комиссіи П. И. Савитовымъ, принявшимъ на себя этотъ трудъ изъ уваженія къ памяти покойнаго и научнымъ достоинствамъ самаго произведенія.

Однимъ изъ результатовъ послѣдняго пребыванія Авраама Сергѣевича въ святыхъ мѣстахъ были установившіяся постоянныя сношенія его съ главными духовными властями Палестины, съ патріархомъ іерусалимскимъ Кирилломъ, его намѣстникомъ въ Іерусалимѣ Мелетіемъ и другими. Его много занимала судьба тамошней православной церкви и христіанъ, къ ней принадлежащихъ, и его вліяніе не осталось безплоднымъ, какъ относительно улучшеній внѣшняго положенія церкви, такъ и относительно возникавшихъ нѣкоторыхъ затрудненій между лицами. Кромѣ ре-

лигіозныхъ побужденій, имъ руководило здѣсь еще другое чувство: онъ никогда не забывалъ о возвышеніи значенія русскаго имени на Востоцкѣ.

Между тѣмъ, какъ лѣта напечатлѣвали слѣды свои на его физическомъ составѣ, онъ продолжалъ трудиться и какъ будто не замѣчалъ ихъ холоднаго, разрушительнаго къ себѣ прикосновенія. Душа его была полна однихъ и тѣхъ же благородныхъ человѣческихъ и общественныхъ стремленій; онъ жилъ не одними воспоминаніями, какъ человѣкъ, которому будущность земная указываетъ уже одну цѣль—могилу; напротивъ, участію его не были чужды всѣ современныя движенія ума человѣческаго, особенно ума русскаго. Мы видѣли, какъ дороги всегда были ему интересы науки; но, какъ человѣкъ, вполне понимавшій отношенія науки къ жизни, къ живой мысли и живому человѣческому слову, онъ въ то же время глубоко уважалъ и интересы изящной словесности. Независимо отъ извѣстной спеціальной склонности, высокое образованіе его ума также, какъ и природное эстетическое чувство, дѣлали его способнымъ разумѣть и цѣнить красоты литературныхъ произведеній, ознаменованныхъ печатью истиннаго таланта. Онъ зналъ притомъ, какое могущественное вліяніе оказываютъ они на образованіе общества, и какъ здраво воспитываемый и руководимый ими народный вкусъ можетъ содѣйствовать успѣхамъ

всѣхъ возвышенныхъ истинъ, слѣдовательно и истинъ самой науки. Поэтому понятно, что онъ до послѣднихъ дней своихъ питалъ теплое сочувствіе къ успѣхамъ изящной отечественной словесности. Всякое замѣчательное произведеніе въ этомъ родѣ обращало на себя его вниманіе и радовало, если оно приносило честь русскому уму, вкусу и языку. Такъ, между прочимъ, онъ прочиталъ съ особеннымъ любопытствомъ сочиненіе графа Толстаго: «Война и миръ». Онъ отдавалъ полную справедливость художественному достоинству произведенія — разнообразію, пластической представительности, блеску, движенію, игрѣ жизни выведенныхъ авторомъ на сцену образовъ и во многихъ мѣстахъ мастерскому изложенію. Но отъ вѣрнаго взгляда его не скрылись и существенные недостатки пьесы; такова, между прочимъ, принятая авторомъ взамѣнъ недостающей въ цѣломъ основной идеи, философія, поучающая, что въ исторіи человѣчества человѣкъ не играетъ никакой роли, что самая исторія какими-то невѣдомыми силами сплетается изъ событій и совсѣмъ готовая, какъ сѣть, откуда-то накидывается на людей для уловленія ихъ и принесенія въ жертву всепоглощающему року, безъ признанія и ихъ заслугъ, и ихъ заблужденій. Всѣмъ извѣстны замѣчанія Авраама Сергѣевича по поводу сочиненія графа Толстаго. Но не эта недодуманная тощая философія побудила нашего академика выступить со своими воз-

раженіями. Ее могъ онъ и пропустить, какъ одну изъ ошибокъ, которымъ люди даровитые нерѣдко подвергаются, когда захотятъ превзойти самихъ себя. Но его патріотическое сердце не могло снести равнодушно тѣхъ неправдъ и легкости, съ какими авторъ «Войны и мира» отнесся къ нѣкоторымъ эпизодамъ достославной эпохи XII года. Авторъ «Замѣчаній», вопреки ему возстановлявшихъ историческую истину, имѣлъ утѣшеніе видѣть полное сочувствіе къ нимъ со стороны людей просвѣщенныхъ и хорошо знающихъ событія того времени. Многія, полученные имъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, письма, съ засвидѣтельствованіемъ этого сочувствія, вполне вознаградили его за несвойственный ему полемическій трудъ.

Страницы, написанныя по поводу «Войны и мира», были послѣднимъ печатнымъ выраженіемъ его мыслей. Но въ самое близкое къ кончинѣ время его видѣли постоянно погруженнымъ въ обычныя его занятія служебныя и научныя. Болѣзнь, повидимому неопасная, не могла отвлечь его отъ нихъ. Скоро, однако, обнаружилась зловѣщія признаки, встревожившіе приближенныхъ къ нему. Надлежало уступить роковой необходимости; не много дней провелъ онъ въ ожиданіи послѣдняго часа, который началъ быстро къ нему подвигаться. 23-го января онъ встрѣтилъ этотъ часъ съ полнымъ сознаніемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ духа, обращая утѣшающіе

взоры свои ко кресту Спасителя, гдѣ сосредоточивались лучшія помышленія его прошедшаго и чаянія будущаго. Последнія изъ словъ, слышанныхъ изъ устъ его окружавшими его смертнѣй одръ не задолго до кончины, были выраженіемъ благоговѣйныхъ чувствованій благодарности къ обожаемому имъ Государю, желавшему черезъ посланнаго освѣдомитья о состояніи его здоровья.

Извѣстно изреченіе, что объ умершихъ не слѣдуетъ говорить ничего, кромѣ хорошаго. Правило это невѣрно, если дѣло идетъ объ исторической истинѣ, гдѣ требуется сказать не то, что хотѣли бы, а только то, что должно. Но тѣмъ отраднѣе бываетъ для повѣствователя, обязаннаго отвѣтственностью передъ этой истиной то, когда въ изображаемой имъ личности онъ можетъ дѣйствительно найти опору для укрѣпленія нашей вѣры въ лучшія и благороднѣйшія силы человѣческой природы. Одинъ изъ мудрецовъ древности сказалъ, что нѣтъ зрѣлица величественнѣе, какъ видѣть человѣка праводушнаго, мужественно борющагося съ враждебнымъ рокомъ. Мы можемъ къ этому присоединить, что нѣтъ зрѣлица привлекательнѣе и утѣшительнѣе, какъ цѣлая жизнь, изъ всѣхъ достоинствъ, отличающихъ человѣческую природу, усвоившая себѣ преимущественно достоинство нравственное. Такова, по истинѣ, была жизнь лица, слабое изображение котораго теперь было предложено ва-

шему, мм. гг., благосклонному вниманію. И это не былъ человѣкъ, жившій только въ самомъ себѣ—это былъ дѣятель общественный. Многие могли превосходить его въ технику и практикѣ текущихъ дѣлъ; но трудно представить себѣ благородную и высоко развитую личность, которой бы уступилъ онъ въ честномъ исполненіи всего, что разумъ, совѣсть и благо общества требовали отъ него, какъ долга. Главнѣйшею заслугой его было то, что, поставленный на одной изъ высшихъ ступеней общественныхъ, онъ чувствовалъ, мыслилъ, жилъ и трудился, какъ гражданинъ, достойный своего великаго отечества.

СП6ГД

6p.7

С176ГД

СЛБГУ

